
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

К.А. КУДАЯРОВ*. ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ : НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСТАНА.

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть место Кыргызстана в региональной системе безопасности сквозь призму межстрановых внутрирегиональных противоречий, усложняющихся спорами о распределении водных и земельных ресурсов, и влияния афганского и пакистанского факторов на Кыргызстан: распространение религиозного экстремизма, терроризма и наркотрафика. Делается акцент на общие проблемы, объединяющие страны Ферганской долины – Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан, вокруг которых сосредоточены основные угрозы безопасности регионального характера. Подчеркиваются усилия, предпринимаемые в рамках ОДКБ и ООН в укреплении архитектуры безопасности Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия; Кыргызстан; Таджикистан; Узбекистан; ОДКБ; угроза безопасности; спорные территории; водные проблемы; терроризм; экстремизм; наркотрафик.

KUDAYAROV K.A. Intraregional Security Problems in Central Asia: The Case of Kyrgyzstan.

Abstract. The article attempts to consider Kyrgyzstan's place in the regional security system through the prism of inter-country intraregional contradictions, complicated by disputes over the distribution of water and land resources, and the influence of Afghan and Pakistani

* Кудаяров Каныбек Акматбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

factors on Kyrgyzstan: the spread of religious extremism, terrorism and drug trafficking. The emphasis is placed on the common problems uniting the countries of the Fergana Valley – Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan, around which the main threats to regional security are concentrated. The efforts made within the framework of the CSTO and the UN in strengthening the security architecture of Central Asia are emphasized.

Keywords: Central Asia; Kyrgyzstan; Tajikistan; Uzbekistan; CSTO, security threat; disputed territories; water problems; terrorism; extremism; drug trafficking.

Для цитирования: Кудаяров К.А. Внутрирегиональные проблемы безопасности Центральной Азии : на примере Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 2. – С. 59–80. DOI: 10.31249/RVA/2022.02.04

С обретением независимости государствами Центральной Азии актуализировались вопросы обеспечения национальной и региональной безопасности. Несмотря на то что за 30-летний период многие проблемы удалось разрешить, республики Центрально-Азиатского региона еще не смогли достичь желаемых результатов в этом направлении. Причастность к одному геополитическому ареалу объясняет и наличие общих проблем внутрирегионального характера для государств южного фланга СНГ. Тем не менее существуют и некоторые различия локального (географического характера), которые преимущественно затрагивают три из пяти республик региона, охватывающих «супер-Балканы» [22, с. 16], именуемые Ферганской долиной. Именно здесь уровень соприкосновения народов, культур, экономик и всего остального достигает максимальных значений, привнося не только положительные, но и отрицательные моменты в двусторонние отношения государств. При этом следует отметить быстрое перетекание / отражение / ретрансляцию определенных событий, произошедших в одном государстве, на соседние государства, отчасти объясняющееся отсутствием буферных зон и наличием беспрепятственного контакта между населением республик. В центре событий в рассматриваемой работе находится Кыргызстан, имеющий границу как с фер-

ганскими соседями – Узбекистаном и Таджикистаном, – так и с крупнейшим государством региона – Казахстаном.

Внимание государства к проблемам национальной безопасности выражено в Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы [33], уже на первых страницах утверждающей, что 95% граждан страны беспокоит недостаточная эффективность государственной политики по преодолению проблем низкой занятости, значительной миграции и решению других долгосрочных социальных проблем. При этом подчеркивается, что Кыргызстану придется решать свои проблемы в условиях удаленности от основных транспортных путей, адаптации к новым условиям экономического развития в рамках ЕАЭС, с учетом недостаточного развития физической и цифровой инфраструктуры и малых размеров кыргызской экономики.

Среди основных направлений деятельности, затрагивающих как внутреннюю, так и внешнюю безопасность республики, в Стратегии подчеркивается роль ОДКБ, обеспечивающего надежную систему коллективной безопасности по противодействию международному терроризму, экстремизму и незаконному обороту наркотиков. Делается упор на активизацию взаимодействия с государствами – членами ОДКБ в сфере пограничной безопасности, решении пограничных вопросов и развитии социально-экономических и культурно-гуманитарных связей с соседями. В Национальной стратегии также определены цели государства в религиозной сфере, выражающиеся в создании национальной системы религиозного образования в рамках светского государства, и многое другое. Все вышесказанное получит дальнейшее развитие в рамках утвержденной 20 декабря 2021 г. Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики [32]. Текст новой Концепции пока не опубликован, но она, несомненно, будет логическим продолжением предыдущей Концепции (2012–2021), подчеркивавшей большую значимость ОДКБ, СНГ и ЕАЭС как механизмов обеспечения национальной и региональной безопасности на пространстве СНГ [12].

В общереспубликанских масштабах основная роль в обеспечении внутренней безопасности отводится Государственному комитету национальной безопасности Кыргызской Республики (ГКНБ КР), в состав которой входят Пограничная служба ГКНБ

КР [20], Антитеррористический центр ГКНБ КР, Координационный центр по обеспечению кибербезопасности ГКНБ КР, а также профильным министерствам – внутренних дел и обороны.

Новая концепция вряд ли будет иметь существенные отличия от предыдущей и в плане определения основных угроз безопасности республики. Афганский фактор по-прежнему будет источником основных угроз безопасности региона. ОДКБ по-прежнему будет играть ключевую роль в обеспечении безопасности Центральной Азии прежде всего от угроз, исходящих из южных рубежей постсоветских республик. Активизация террористических и экстремистских организаций в охваченном хаосом Афганистане станет основным предметом беспокойства государств – членов ОДКБ.

Единственным исключением станет фактор коронавируса, появившегося в 2019–2020 гг. и усугубившего существующее положение дел в социальной, экономической, политической и иных сферах жизнедеятельности Кыргызстана. Безусловно, большое внимание будет уделяться вопросам вакцинации от имеющихся штаммов коронавирусной инфекции, на повестке дня будут стоять вопросы лекарственного обеспечения и поиска внутренних ресурсов для развития собственной фармацевтической индустрии.

Политическая нестабильность как угроза государственной безопасности Кыргызстана

Кыргызская Республика является одной из самых бедных стран постсоветского пространства (наряду с Таджикистаном), не имеющей выхода к морю и географически изолированной горными системами Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Слабая экономическая база, имеющая преимущественно аграрно-сырьевой характер, коррупция общегосударственного масштаба и клановая система управления способствовали сохранению аморфности правящих режимов, неспособных удержаться у власти в период затяжных политических кризисов. Перманентная слабость кыргызской власти делает Кыргызстан неспособной в полной мере ответить на вызовы и угрозы внутригосударственного характера (коррупция, правовой нигилизм, исламизация общества, связанная с деятельностью салафитских религиозных организаций, и мн. др.), не гово-

ря уже о проблемах регионального масштаба. Революционные события 2005, 2010 и 2020 гг. в Кыргызстане, приведшие к смене власти в условиях политической нестабильности, в первом случае завершились переходом к политике предельного усиления президентской власти. Не лучшим образом подобранная команда управленцев на местах, зачастую не обладающих соответствующей компетенцией, клановая структура власти и другие факторы не позволили наладить эффективное государственное регулирование, которое позволило бы решить накопившиеся социально-экономические и политические проблемы. Во втором случае политический кризис (2010), напротив, способствовал усилению парламентаризма и исполнительной ветви власти в лице премьер-министра. Когда управление страной перешло в руки новой команды лидеров, начал формироваться и новый политический дискурс, центральной идеей которого стало недопущение появления в будущем суперпрезидентской власти, сложившейся в период между 2005 и 2010 гг. Осенние события 2020 г. в Кыргызстане привели к пересмотру политической системы и смене формы правления с президентско-парламентской на президентскую.

Таким образом, на протяжении последних 30 лет политическая активность в республике развивалась в двух противоположных направлениях: подражание стандартам западных демократий или авторитарное усиление президентской власти [13, с. 89]. Данная динамика не характерна для политических систем других стран региона, отличающихся большей стабильностью режимов.

Проблема определения статуса спорных территорий

В Ферганской долине сосредоточены основные очаги нестабильности в регионе, связанные с определением границ на спорных территориях. Несмотря на периодическое возникновение напряженности на кыргызско-узбекской, кыргызско-таджикской и узбекско-таджикской границах, они все же постепенно находят свое решение. В 2019 г. между Узбекистаном и Таджикистаном было подписано соглашение о полной делимитации границ. На данный момент проходит процесс демаркации границ, который не удалось завершить в установленные сроки (до конца 2021 г.).

Самой проблемной является кыргызско-таджикская граница, на которой из 978 км приграничной зоны делимитированы 530 км. По результатам последних переговоров между сторонами было согласовано еще около 40 км. Таким образом, предстоит произвести делимитацию и демаркацию 408 км границы. Ежегодно на спорных участках пограничья между Кыргызстаном и Таджикистаном возникают конфликты из-за земель, воды, незаконного пересечения рубежей и межэтнических разногласий. При этом все чаще применяется огнестрельное оружие, льется кровь, погибают люди. В конце апреля 2021 г. произошел наиболее крупный конфликт на границе, начавшийся из-за спора на водораспределительном объекте «Головной». В результате вооруженного столкновения погибли 36 кыргызских граждан и 19 граждан Таджикистана. Были сожжены десятки жилых строений, социальных учреждений и хозяйственных объектов [17]. Как полагает Т. Умаров, в результате конфликта наиболее пострадавшей оказалась кыргызская сторона. В средствах массовой информации и в социальных сетях Кыргызстана распространяются свидетельства того, что таджикская армия заранее сосредоточила на границе танки Т-72, вертолеты Ми-24 (сбрасывавшие неуправляемые авиационные ракеты С-5), бронетранспортеры БТР-70 и гранатометы РПГ-7 [30]. Это первый случай полномасштабного вооруженного конфликта в кыргызско-таджикских отношениях. Учитывая напряженную обстановку на границе двух государств, не исключено, что подобные события могут повториться и в будущем.

Граница между Кыргызстаном и Узбекистаном к сегодняшнему дню определена двусторонними соглашениями практически на 98 процентов. Одной из основных проблем является определение участка Кемпир-Абадского (Андижанского) водохранилища, которое планировалось передать узбекской стороне при условии совместного использования местными хозяйствами обеих республик (водопой, полив, рыболовство и другое) [28]. Протестные акции кыргызского населения, живущего вдоль данного водоема, помешали реализации данного соглашения, которое позволило бы официально Бишкеку заявить о том, что вопрос делимитации территорий на кыргызско-узбекской границе полностью завершен [11].

Другой большой проблемой для стран региона являются анклавы и эксклавы на территории трех государств. На территории Кыргызстана расположены узбекские анклавы «Сох» и «Шахмардан» [24, с. 44], таджикский анклав «Ворух». В Узбекистане находится кыргызский анклав «Барак» [9, с. 125].

Проблема спорных территорий – это прежде всего проблема распределения жизненно важных водных ресурсов и пастбищ, поскольку практически все население конфликтных зон занимается сельским хозяйством. Изменение климата, приводящее к таянию ледников и сокращению объемов воды в реках, приводит ко все более частым конфликтам между жителями приграничных районов. Нередки конфликты из-за распределения воды между жителями узбекского анклава «Сох» (Кыргызстан) и таджикского анклава «Ворух» (Кыргызстан) с кыргызскими фермерами [1]. Во втором случае по кыргызской территории проходит транзитная дорога, связывающая Таджикистан с анклавом «Ворух». Из-за этой дороги жители кыргызского села Ак-Сай сами оказались будто в анклав на территории собственной страны. Единственный путь, связывающий Лейлекский район Кыргызстана с остальной частью республики, лежит через «Ворух». Построить объездную дорогу не позволяет таджикская сторона: территория, на которой должна пройти трасса, также относится к разряду спорных.

Другой не менее важной причиной конфликтов в «Ворухе» является водозабор Торткульского водохранилища, владение которым дает контроль над рекой, обеспечивающей водой земледельцев обеих стран. И кыргызская, и таджикская стороны претендуют на него, чтобы в будущем использовать его для своих собственных нужд.

Свидетельств, указывающих на напряженность обстановки на указанной территории, – множество. К примеру, в марте 2019 г. в анклав в результате конфликта из-за строительства дороги Ак-Сай-Тагымдык погибли два человека и двадцать были ранены. В том же месяце из-за установки флажштока на неопisanном участке границы возле места расположения топонима «Ворух» началась стрельба: из огнестрельного оружия ранен один военнослужащий, также пострадали милиционер и двое гражданских лиц.

Остальные шесть анклавов Ферганской долины имеют меньшую территорию и население: таджикские анклавы «Карай-

гач» (Кыргызстан) и «Сарвак» (Узбекистан), кыргызский анклав «Барак» (Узбекистан), узбекские анклавы «Джангайл», «Чон-Гара» и «Шакимардан» (Кыргызстан). По большому счету у жителей анклавов трудности одни и те же – пограничные заставы и отдаленность от пастбищ. Однако там нет столь большой эскалации ситуации, поскольку границы в этих анклавах (в отличие от «Соха» и «Воруха») согласованы. Все спорные участки имеют стратегическое значение, поэтому стороны не готовы мириться с их возможной потерей. Обладание данными участками дает контроль над водными ресурсами, транспортными артериями и близлежащими пастбищами.

Переговорный процесс по спорным территориям и анклавам, длящийся практически три десятилетия, не принес существенных результатов.

Учитывая конфликтогенную напряженность в регионе Центральной Азии, в частности, между Кыргызстаном и Таджикистаном, ОДКБ стоит выработать механизмы, которые могли бы применяться для урегулирования конфликтов между членами самой организации.

Водная проблема

Проблема раздела/распределения водных ресурсов является одной из ключевых тем переговорных процессов между республиками. Обозначенные проблемы также касаются в большей степени трех из пяти республик региона – Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Два первых государства, владеющих основными запасами водных ресурсов региона, формируют стоки Амударьи и Сырдарьи, составляющих основу оросительной системы Узбекистана, Туркменистана и частично Казахстана. Экономическая слабость государств верховья (Таджикистана и Кыргызстана) вынуждает их использовать имеющийся гидроэнергетический потенциал для удовлетворения внутренних потребностей в электроэнергии и развития собственных экономик. Однако усиление данного потенциала подразумевает строительство крупных гидроэлектростроительных сооружений, способных вырабатывать большое количество электроэнергии для удовлетворения нужд республик и экспорта электроэнергии за пределы государств [18]. Эксплуатация гидроэлектростроительных

подразумевает установление водозабора и многократное уменьшение водостока, что приводит к нехватке воды в странах низовья – Узбекистане, Казахстане и Туркмении. В связи с этим страны низовья, и особенно Узбекистан (при правлении Каримова), проводили политику по недопущению строительства данных ГЭС в Кыргызстане и Таджикистане, используя для этого всевозможные рычаги давления [5, с. 30]. В первую очередь это выражалось в виде транспортной изоляции Таджикистана со стороны Узбекистана, а также «демонстрации силы», посредством военных учений вдоль узбекско-кыргызской границы. Ташкент неоднократно предупреждал Бишкек и Душанбе о возможном усилении противодействия планам соседей вплоть до возможности вооруженных конфликтов, непосредственно связанных с проблемой водных ресурсов [4]. Ситуация изменилась к лучшему с приходом к власти в Узбекистане Ш. Мирзиёева (2016), который не стал препятствовать реализации энергетических проектов соседних государств.

Многолетний спор между государствами является следствием внедрения новой советской системы управления водными ресурсами (1970-е годы), когда первостепенной задачей рассматривалось обеспечение водой оросительных систем Узбекистана, Казахстана и Туркменистана для нужд сельского хозяйства. В 1992 г. эти механизмы распределения воды были закреплены Алма-Атинскими соглашениями. Государства – поставщики воды были оборудованы плотинами, чтобы играть роль регуляторов и хранителей воды для орошаемых площадей, отпуская ее летом и накапливая в остальные времена года. Поскольку гидроэнергетический потенциал плотин являлся второстепенным, вопросы обеспечения Кыргызстана и Таджикистана электроэнергией в зимний период решались за счет поставок углеводородов из республик – потребителей водных ресурсов (Узбекистан, Туркменистан и Казахстан). Таким образом производился бартер между республиками. Эта единая система управления водными ресурсами прекратила свое существование после распада СССР, и каждое государство в одностороннем порядке пересмотрело свои приоритеты, отказавшись от централизованного управления водосборным бассейном [16, с. 70]. В нынешних условиях, когда Кыргызстан испытывает острую нехватку гидроресурсов в резервуаре Токтогульской ГЭС (крупнейшей в республике), она вынуждена импортировать опре-

деленные объемы электроэнергии из соседних стран, чтобы наполнить Токтогульскую плотину водой для последующего отпуска воды в вегетационный период для Казахстана и Узбекистана. В свою очередь импортированные объемы электроэнергии должны быть возвращены за счет выработки больших объемов электроэнергии в летний период. При этом основную выгоду от такой ситуации извлекают именно государства низовья, потребляющие основную часть воды. В условиях постоянного роста населения региона проблема нехватки воды становится острее год от года, однако действенных мер для ее решения со стороны государств-потребителей не предпринято. Очевидным решением в сложившихся условиях является лишь изменение территориального размещения сельскохозяйственных предприятий и отказ от широкомасштабной мелиоративной практики в пользу интенсификации на землях с лучшим водоснабжением, а также восстановление прежних ирригационных и дренажных систем.

Влияние афганского фактора

Географическая близость к Афганистану создает целый комплекс проблем, связанных с обеспечением безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Главную угрозу, исходящую из Афганистана, представляет радикальная организация «Талибан» (запрещенная в РФ), с деятельностью которой непосредственно связаны распространение в регионе экстремизма и оборота наркотиков, (не исключена и возможная прямая агрессия) [23, с. 83]. На сегодняшний день проблемы региона, связанные с «афганской угрозой», во многом решаются силами ОДКБ и России (военные учения в рамках ОДКБ, безвозмездное вооружение стран – членов ОДКБ, патрулирование воздушного пространства государств ОДКБ через российские базы в Таджикистане и Кыргызстане). В Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики (от 2012 г.) выражались опасения по поводу активизации террористических организаций на территории Афганистана и Пакистана в связи с планировавшимся уходом войск международной коалиции из Афганистана (2014). Эти опасения сбываются, и движение «Талибан», сумевшее синтезировать конфессиональный и этнический факторы, выраженные в виде агрессивного пуштунского национа-

лизма с исламским оттенком, приходит к власти в Афганистане. Это естественным образом отразилось и на той буферной зоне, существовавшей на севере страны, где традиционно проживает значительное количество этнических таджиков, узбеков и туркмен, в свое время образовавших «Северный альянс» против «Талибана» (1996–2001). Бессилие ополченцев северных приграничных провинций Афганистана перед натиском талибов обеспечило последним быструю ликвидацию буферной зоны, создав, таким образом, зону нестабильности в приграничных зонах со среднеазиатскими республиками. Неудивительно, что сегодня наибольшую озабоченность государств Средней Азии вызывают угрозы распространения идей исламского экстремизма, терроризма и наплыва афганских беженцев.

Следует отметить, что, лишь оказавшись в новых геополитических реалиях (после распада СССР), государства Центральной Азии обнаружили себя в одном региональном комплексе безопасности с Афганистаном и Пакистаном. Многие события, происходящие в Таджикистане с конца 1980-х гг., вплоть до сегодняшних дней имеют отношение к афганскому фактору. Все началось с того, что многие ветераны Афгана, вернувшись на родину с «пробудившимся национальным самосознанием», инициировали перемены, связанные с языковым и культурным возрождением Таджикистана. В результате был принят закон «О языке» (22 июля 1989 г.). Однако именно 1989 г. явился отправной точкой событий, положивших начало гражданской войне в Таджикистане (1992–1997), в которой не последнюю роль сыграли ветераны войны в Афганистане (1979–1989), пополнившие как ряды проправительственных сил, так и занявших сторону радикально настроенных оппозиционеров. Объединенная таджикская оппозиция пользовалась значительной поддержкой афганских радикалов во время и после гражданской войны в Таджикистане [15, с. 36]. Не являются исключением и сегодняшние события в Афганистане, вновь приведшие к власти движение «Талибан». В данном случае официальный Душанбе принял роль принимающей стороны для таджикских беженцев из Афганистана. При этом приток соплеменников, спасающихся от новых (пуштунских) порядков, одновременно вызвал волну негодования в самом Таджикистане, где значительная часть молодежи (и ветеранов афганской войны) была готова вмешаться во внутри-

политическое противостояние между талибами-пуштунами и афганскими таджиками на стороне последних. Однако режиму Рахмона удалось не допустить вмешательства таджикских граждан во внутриафганский конфликт.

Говоря в целом, вопросы идентичности встали как «комок в горле» перед всеми государствами региона. Но именно в Таджикистане и Узбекистане эта проблема привела к разделению населения и элит этих стран на две противоборствующие группировки: сторонников построения теократического государства и приверженцев светской модели нациестроительства. Однако если в Таджикистане это вылилось в пятилетний межтаджикский конфликт, то в Узбекистане государство с самого начала самым жестким образом пресекало любые проявления «инакомыслия», не позволив сторонникам построения теократического государства осуществить задуманное. Режим И. Каримова смог «пережить» многочисленные теракты, совершенные в период с 1999 по 2005 гг. в различных городах республики. События в соседних странах коснулись и Кыргызской Республики, где произошли шокировавшие местные власти «баткенские события» (1999), когда большая группа террористов Исламского движения Узбекистана (ИДУ), выдвинувшись из Афганистана и Таджикистана вторглась на территорию Кыргызской Республики, не встречая серьезного противодействия со стороны военных формирований. Их целью была дестабилизация политической ситуации в Узбекистане с последующим свержением светского режима. В дальнейшем часть из них была уничтожена благодаря российской военной помощи, а оставшиеся члены ИДУ вернулись на территорию Таджикистана.

Попытки республик Центральной Азии по объединению своих усилий в решении общих проблем привели к подписанию ряда важных соглашений и прежде всего основополагающего Договора о сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами (2000) [8]. В 1990-е годы совместные военные учения государств региона с другими государствами не были столь активными. Несмотря на взаимодействие в рамках ОДКБ, Центразбата, программы «Партнерство ради мира» (ПРМ) и т.д., на внутрорегиональном уровне практически не наблюдалось полноценного и долгосрочного взаимодействия. По-

пытки региональных тяжеловесов – Казахстана и Узбекистана – мобилизовать совместную деятельность под своим началом не дали результатов в силу негласного соперничества между ними. События 11 сентября 2001 г. способствовали активизации сотрудничества в рамках ОДКБ, ПРМ, а также двусторонних контактов государств региона с Россией, США, Турцией, ЕС и другими акторами.

Афганский наркотрафик

Относительная географическая отдаленность Афганистана от Кыргызстана (по сравнению с Таджикистаном и Узбекистаном) не является препятствием для функционирования наркотрафика афганских наркотиков через кыргызскую территорию, находящуюся на расстоянии менее двухсот километров от ближайшего участка афганской границы. В силу прохождения на север – через территорию Казахстана в Россию и Европу – он называется «северным маршрутом» [3]. Государственная таможенная служба с начала 2021 г. зафиксировала 30 фактов незаконных попыток перевозки наркотических веществ. В рамках проведенных работ было задержано около 100 килограммов запрещенных веществ. По сравнению с прошлым годом эти объемы выросли на 57% [10]. Часть «северного маршрута» пересекает афгано-таджикскую границу в районе Горного Бадахшана и выходит в Раштский район Таджикистана. Далее, следуя через территорию Баткенской области (Кыргызстан), он уходит на север (Казахстан, Россия) [34]. Всего существует четыре маршрута доставки из Таджикистана в Кыргызстан: Кызыл-Артский, Алтын-Мазарский, Баткенский и Ходжентский [19, с. 19]. Таким образом, граница между Таджикистаном и Кыргызстаном является проблемной не только в плане наличия анклавов и спорных территорий, но и в связи с наличием наркокоридора. Как полагает А. Зеличенко, «кыргызско-таджикская граница – это место сосредоточения всех зол», включая наркотрафик, различную контрабанду и незаконную миграцию [2].

В 2021 г., согласно данным Управления ООН по борьбе с наркотиками и преступностью, рост производства опиатов в Афганистане вырос на 8%, составив 6,8 тыс. т [31]. Сегодня на долю Афганистана приходится более трех четвертей поставок героина в

мире с увеличивающейся долей трафика этих препаратов через государства Центральной Азии. По некоторым оценкам, от 14 до 25% производимых в Афганистане наркотиков направляется по «северному маршруту» на рынки Центральной Азии и Российской Федерации.

Объем незаконного оборота опиатов афганского происхождения в Кыргызстане способствовал росту потребления наркотиков. Кыргызская Республика подобно другим государствам Центральной Азии постепенно превратилась из транзитной страны в страну-потребителя. Афганский наркотрафик и его транзит через таджикскую территорию остаются основным очагом распространения наркомании в республике. По оценочным данным УНП ООН, около трети транзитных наркотиков оседает в Центральной Азии. Кыргызстан в полной мере испытывает на себе отрицательные последствия афганского наркотрафика. Например, в 2019 г. на учете в наркологических учреждениях республики состояли 8448 человек, в 2020 г. – 8,5 тыс. (в Таджикистане – 5375, Узбекистане – 5698, Казахстане – 20 003) [6]. В 2020 г. около 61% наркопотребителей от числа лиц, состоящих на учете, использовали инъекционный способ потребления наркотиков, относящихся к группе опиатов, преимущественно героин, а более 31% наблюдались в связи с зависимостью от препаратов группы каннабиса (курение) [35]. В Центральной Азии (и на Южном Кавказе) доля населения в возрасте 15–64 лет, употребляющего наркотики путем инъекций, в 3–4 раза превышает среднемировой показатель [7, с. 117].

Как полагает К. Осмоналиев (Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики), на формирование и развитие наркоситуации в Кыргызстане оказывают влияние следующие факторы: 1) устойчивый рост производства наркотиков в Афганистане и увеличение объемов их контрабанды; 2) географическое положение республики – между центром производства опиатов и рынками их потребления; 3) трудности с охраной государственных границ Кыргызской Республики; 4) увеличение спроса на наркотики в странах СНГ и Европы; 5) рост социально-экономических трудностей, приводящих к широкому вовлечению в наркобизнес представителей социально уязвимых слоев населения (доходы населения в регионе остаются низкими,

сохраняется финансовый стимул для вовлечения людей в незаконный оборот наркотиков); 6) ослабление государственной системы профилактики и лечения наркомании, отсутствие или недостаточность медико-социальных и реабилитационных центров; 7) изменение характера употребления наркотических веществ в сторону увеличения инъекционного способа как фактор распространения ВИЧ / СПИДа, гепатита, туберкулеза и других сопутствующих заболеваний; 8) появление новых синтетических наркотиков (в частности, «экстази» и др.), а также рост числа их потребителей; 9) наличие собственной сырьевой базы наркотиков в виде зарослей дикорастущей конопли и эфедры, а также сохраняющаяся в отдельных местностях практика незаконной культивации опийного мака, так как климатические условия во всех пяти центрально-азиатских странах благоприятны для произрастания опийного мака и конопли, которые нелегально культивируются на небольших площадях в деревнях или отдаленных горных регионах; 10) прохождение через территорию страны наркомаршрутов, чему способствуют такие условия, как прозрачность границ между государствами СНГ, активная деятельность международной мафии, выбравшей разоренный Афганистан для производства опиатов [19, с. 14].

В 2000 г. «Талибану» удалось сократить посевы опийного мака в Афганистане с 82,1 тыс. га до 7,6 тыс. га, но объемы плантаций были быстро восстановлены в связи с необходимостью финансирования военных действий против оккупационных сил США и НАТО [27]. Вернув власть в стране (2021), талибы вновь заявили о своих планах по ликвидации контрабанды наркотиков [26]. Новый афганский режим стремится добиться признания со стороны мирового сообщества, что является одним из неперенных условий налаживания международных связей для последующего политического, экономического, культурно-гуманитарного развития страны. Ликвидация опиумных плантаций и нарколабораторий в этом плане являются логичным шагом со стороны «Талибана». В ближайшие годы станет ясно, насколько твердо талибы готовы придерживаться данного курса.

По мнению многих экспертов, коррупция является одной из главных причин устойчивости наркоторговли. При этом многие отмечают, что в регионе нет общего понимания проблемы. Каждая

страна борется с наркоторговлей исключительно в рамках своих национальных границ, руководствуясь своими методами работы. Стоит отметить и наличие серьезных расхождений в понимании данной проблематики на Западе и в государствах региона. Комплексный подход к решению проблемы наркотрафика, используемый на Западе, начинает привлекать внимание местных компетентных органов лишь в последние годы. В рамках УНП ООН уже разработана и готова к реализации Программа для стран Центральной Азии на 2022–2025 гг. [21], состоящая из пяти подпрограмм: 1) предупреждение и борьба с транснациональной организованной преступностью; 2) профилактика преступности, расширение доступа к правосудию и укрепление верховенства права; 3) решение проблемы употребления наркотиков, расширение лечения расстройств, связанных с употреблением наркотиков, и профилактика ВИЧ / СПИДа; 4) предотвращение и борьба с терроризмом и радикализацией, ведущей к насилию; 5) поддержка в сферах исследований, анализа тенденций, политики, информационного продвижения и судебной экспертизы.

Помимо этого УНП ООН реализует программу по укреплению пограничного контроля и трансграничного сотрудничества. В рамках нее была создана платформа для разработки коллективных мер правоохранительных органов борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Суть программы заключается в создании офисов пограничного взаимодействия при ключевых КПП в регионе, которые занимаются сбором, анализом и обменом информацией между правоохранительными органами соседних стран, которые должны облегчить и ускорить обмен оперативной информацией [29].

Огромная роль в борьбе с наркотрафиком отводится и ОДКБ, на базе которой действует Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОНП) (с 2005). На регулярной основе успешно реализуются антинаркотические операции «Канал» (с 2003), тактические учения в рамках программы «Гром» (с 2012). Среди последних наиболее значимых событий стоит отметить утверждение (2 декабря 2021 г.) Антинаркотической стратегии государств – членов ОДКБ на 2021–2025 гг. [25], предусматрива-

ющей дальнейшее сотрудничество стран – членов ОДКБ в данном направлении.

Пакистанское религиозное движение «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане

«Таблиги Джамаат» является религиозным движением, основанным в 1926 г. в Индии шейхом-суфием Маулана Мухаммад Илиясом. Миссией движения является духовное возрождение этнических мусульман по всему миру посредством осуществления «даават» (с арабского языка «призыв», «приглашение») ко всем единоверцам к соблюдению исламской религиозной практики, указанной пророком Мухаммадом.

Самой активной и многочисленной общиной Кыргызстана, занимающейся прозелитизмом, является «Таблиги Джамаат», завоевавшая популярность благодаря своей открытости и упрощенной системе членства. «Таблиги Джамаат» практикует «даават» по принципу «от двери к двери», призывая людей к осуществлению религиозно-обрядовой практики с определенной частотой и сроками их совершения. Несмотря на регулярные и настойчивые призывы («даават»), «Таблиги Джамаат» не имеет мощной идеологической базы и вследствие этого не может удержать своих «новоиспеченных» сторонников. Движение передает более «минималистский» ислам, который больше подчеркивает повседневную практику основных заповедей ислама, передавая «дааватчы» (члену общины) лишь поверхностные знания, ограничивающиеся верой в Аллаха, совершением пятикратного намаза и чтением Корана и Сунны. Стоит отметить и одну весьма важную тенденцию, наметившуюся в последние годы, – возникновение и развитие «межэтнического сотрудничества» в рядах последователей движения. Несмотря на существующее негласное разделение мусульман республики по этническому принципу, процесс межнационального диалога на платформе «Таблиги Джамаат» продолжает развиваться за счет привлечения представителей узбекских общин юга республики, совершающих «даават» в северных, преимущественно кыргызских областях. В перспективе, возможно, «Таблиги Джамаат» удастся объединить разрозненную по национальному признаку мусуль-

манскую умму Кыргызстана. Невзирая на слабую образовательно-просветительскую инфраструктуру, «Таблиги Джамаат» лидирует по объему охвата населения. На сегодняшний день эта организация все еще находится на этапе, когда его основной целевой группой являются широкие народные массы и маргинальная молодежь, в то время как, например, их более развитые турецкие конкуренты распространяют более сложный с научной точки зрения ислам и отдают предпочтение образовательной деятельности, ориентируясь на богатые элиты, зажиточный и средний классы населения. Тем не менее тяжелое социально-экономическое положение в Кыргызстане благоприятствует деятельности «Таблиги Джамаат» и может в ближайшие годы привести к тому, что оно выйдет за рамки маргинальной сферы и начнет более активно действовать среди местных элит. Аполитичная позиция движения, которой оно официально придерживается в настоящий момент, не означает, что «Таблиги Джамаат» не станет политизированным в будущем, особенно если социально-экономическая ситуация в регионе будет продолжать ухудшаться.

Заключение

Широкий круг проблем безопасности, затрагивающих как Кыргызскую Республику, так и государства региона, безусловно, требует комплексного подхода и вовлечения всех государств Центральной Азии. При этом многие вопросы региональной и межстрановой повестки, как, например, вопросы противостояния терроризму и наркотрафику, делимитации спорных территорий (и связанной с ними водной проблемы), нелегальной миграции, решаются как собственными силами, так и посредством командной работы в рамках внутрирегионального сотрудничества, а также при поддержке ОДКБ и других международных структур. Механизм сотрудничества региона в сфере безопасности в рамках ОДКБ носит институциональный и постоянный характер, однако без разрешения внутренних проблем и достижения внутрирегионального единства любые попытки решения накопившихся проблем будут половинчатыми. Как показал обзор внутрирегиональных проблем безопасности, от ОДКБ и России требуется выработка действенных механизмов по урегулированию межгосударственных

пограничных конфликтов (кыргызско-таджикский конфликт 30 апреля 2021 г.) и недопущения эскалации напряженности в рядах государств – членов ОДКБ в будущем.

ОДКБ как единственной структуре, созданной для отражения угроз безопасности государствам постсоветского пространства, следует активизировать деятельность по защите южных рубежей СНГ на фоне нарастания нестабильности в Афганистане. При этом стоит обратить особое внимание на ситуацию в сопредельных с ИРА (де-факто Исламским Эмиратом Афганистан) государствах – Таджикистане и Узбекистане, нуждающихся в дальнейшей дипломатической и военной поддержке России.

Список литературы

1. Алиева К. Кишлаки в заложниках : как образовались и как живут анклавов в Центральной Азии // Настоящее время. – URL: <https://www.currenttime.tv/a/kishlaki-v-zalozhnikah-vse-cto-vy-hoteli-znat-ob-anklavah-v-tsentralnoy-azii/31171106.html> (дата обращения: 30.12.2021).
2. Басарбек Б. Зеличенко : Кыргызско-таджикская граница – это место сосредоточения всех зол // Вечерний Бишкек. – URL: https://www.vb.kg/doc/400392_zelichenko_kyrgyzsko_tadjikskaia_granica_eto_mesto_sosredotocheniia_vseh_zol.html (дата обращения: 30.12.2021).
3. Борисенко Л. Опиные тропы на северном маршруте // Российская газета. – 2021. – № 223(8574). – URL: <https://rg.ru/2021/09/29/v-kirgizii-budut-borotsia-s-narkotrafikom-novymi-tehnologiyami.html> (дата обращения: 30.12.2021).
4. Водный конфликт в Центральной Азии. Узбекистан выдвинул войска и бронетехнику к границе с Кыргызией // Стан Радар. – URL: <https://stanradar.com/news/full/20166-vodnyj-konflikt-v-tsentralnoj-%20azii-uzbekistan-tydvinul-vojska-i-bronetehniku-k-granitse-s-kirgiziej.html> (дата обращения: 18.05.2015).
5. Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М. Процессы регионализации в Центральной Азии : проблемы и противоречия. – Москва : Институт экономики. РАН, 2014. – 55 с.
6. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2020 год // Международный комитет по контролю над наркотиками. – URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2021/INCB/INCB_Report_R.pdf (дата обращения: 30.12.2021).
7. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 год // Международный комитет по контролю над наркотиками. – URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Annual_Report/Russian_ebook_AR2019.pdf (дата обращения: 30.12.2021).
8. Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по

- борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17088> (дата обращения: 30.12.2021).
9. Имомов А. Территориальные и земельно-водные конфликты в Центральной Азии : взгляд из Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – Т. 16, вып. 2. – С. 124–138.
 10. Кадыров М. Кыргызстан на пути международного наркотрафика // Свобода. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/31264502.html> (дата обращения: 30.12.2021).
 11. Кемпир-Абад и граница. О чем Ташиев рассказал жителям Узгенского района? // Today.kg. – URL: https://today.kg/news/460853/?utm_source=tag&hl=ru (дата обращения: 30.12.2021).
 12. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики (Утверждена приказом Президента Кыргызской Республики от 9 июня 2012 года № 120) / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61367> (дата обращения: 30.12.2021).
 13. Кудаяров К.А. Особенности внутривнутриполитического развития Кыргызии в постсоветский период // Вестник РГГУ. Серия Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. – 2021. – № 2. – С. 82–90.
 14. Кудаяров К.А. Религиозное влияние Турции и Пакистана в Кыргызии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2021. – № 1. – С. 47–63.
 15. Кудаяров К.А. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2020. – № 4. – С. 35–38. – Реф. ст.: Göransson M. Tajikistan and the Ambiguous Impact of the Soviet-Afghan War. Année de mobilisations politiques en Asie centrale // Cahiers d'Asie centrale. – Bishkek : L'institute français d'études sur L'Asie centrale, 2016. – N 26. – P. 29–49.
 16. Кудаяров К.А. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2019. – № 4. – С. 66–77. – Реф. ст.: Cariou A. L'eau et l'aménagement du territoire en Asie centrale. Une ressource fondamentale pour un développement à repenser. L'eau en Asie centrale // Cahiers d'Asie centrale. – Bichkek : L'institute français d'études sur L'Asie centrale, 2015. – N 25. – P. 19–58. – URL: <https://journals.openedition.org/asiacentrale/3080> (дата обращения: 28.12.2021).
 17. Кыргызстан и Таджикистан подписали очередной протокол по границе // Свобода. – URL: <https://rus.azattyk.org/a/31425346.html> (дата обращения: 30.12.2021).
 18. Ларюезль М. Водный вопрос в Центральной Азии – излишняя секьюритизация? // Региональная аналитическая сеть Центральной Азии – КААН (при поддержке Университета им. Дж. Вашингтона). – URL: <https://www.caanetwork.org/archives/6905> (дата обращения: 02.05.2015).
 19. Осмоналиев К.М. Трафик афганских опиатов через территорию Кыргызстана. – Бишкек : Национальный институт стратегических исследований Кыргызской

- Республики, 2014. – 92 с. – URL: https://ecuo.org/mvdev/wp-content/uploads/sites/4/2016/09/narcotraif_report_14.pdf (дата обращения: 30.12.2021).
20. Пограничная служба Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики // Пограничная служба Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. – URL: <http://gps.gov.kg> (дата обращения: 30.12.2021).
21. Программа УНП ООН для стран Центральной Азии на 2022–2025 / Управление ООН по наркотикам и преступности. – URL: https://www.unodc.org/documents/centralasia//2021/publications/Signed_UNODC_Programme_EN_01.12.21.pdf (дата обращения: 29.12.2021).
22. Рудов Г. Ферганская долина : причины кризисных явлений и пути их нейтрализации // Обозреватель = Observer. – 2014. – № 11. – С. 16–28.
23. Сайфулин Р. Центрально-азиатские перспективы : Афганистан, 2014 – повод или причина для беспокойств? // Вызовы безопасности в Центральной Азии : сб. ст. – Москва : ИМЭМО. РАН, 2013. – С. 82–83.
24. Сарабеков Ж. Узбекистан на современном этапе : монография. – Астана ; Алматы : Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера нации, 2014. – 70 с.
25. Совет коллективной безопасности ОДКБ принял Декларацию и Заявление о формировании справедливого и устойчивого мироустройства // Организация Договора о коллективной безопасности. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sovet-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-prinyal-deklaratsiyu-i-zayavlenie-o-formirovanii-spravedlivogo-#loaded (дата обращения: 28.12.2021).
26. Талибы выразили надежду на помощь России в борьбе с наркотрафиком // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20210924/narkotrafik-1751554936.html> (дата обращения: 30.12.2021).
27. Тюльпанов Д. «Одной клубникой сыт не будешь» : откажется ли «Талибан» от производства наркотиков. Почему эксперты не верят, что «Талибан» победит наркотрафик // Газета. ру. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/22_a_13902584.shtml (дата обращения: 30.12.2021).
28. Узбекистан и Кыргызстан договорились описать спорные участки границы // Газета. uz. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/26/border/>
29. Укрепление пограничного контроля и трансграничного сотрудничества. Программа УНП ООН для государств Центральной Азии / Управление ООН по наркотикам и преступности. – 2020. – URL: https://www.unodc.org/documents/centralasia//2021/publications/Tajikistan/BLO_brochure_2021_RU_web.pdf (дата обращения: 28.12.2021).
30. Умаров Т. Конфликт без посредников. Кто выиграл от войны на границе Кыргызии и Таджикистана // Московский центр Карнеги. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/84454> (дата обращения: 21.12.2021).
31. УНП ООН: производство опиума в Афганистане увеличилось на 8 процентов / Организация Объединенных Наций. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413952> (дата обращения: 30.12.2021).

32. Утверждена Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики / Президент Кыргызской Республики. – URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/ukazy/21561_utverghdena_koncepciya_nacionalnoy_bezopasnosti_kirgizskoy_respubliki (дата обращения: 30.12.2021).
33. Утверждена Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы // Сайт президента Кыргызской Республики. – URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/12774_utverghdena_nacionalnaya_strategiya_razvitiya_kirgizskoy_respubliki_na_2018_2040_godi (дата обращения: 30.12.2021).
34. Якунин И. Почему вспыхнул конфликт на границе Таджикистана и Кыргызстана : через Баткен пролегает северный маршрут наркотрафика // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27273/4407167/> (дата обращения: 30.12.2021).
35. 26 июня – Международный день борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: <http://www.stat.kg/ru/news/26-iyunya-mezhdunarodnyj-den-borby-s-narkomaniej-i-nezakonnym-оборотom-narkotikov/> (дата обращения: 30.12.2021).